

Игорь Лес

Мых Горыныч

Серия: Мятежный контур

18+

Игорь Лес Мых Горыныч

<https://litres.ru/74354644>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прадедущка умирал. Правнук Тоха, двенадцати лет, надевает на него игровой нейрошлем — из любви, чтобы тот перед самой смертью хоть чуть-чуть развлёкся.

Прадед приходит в себя в теле болотного орка. Орк в этой игре — тот, кого можно убивать. Многие и пробуют. Вот только он не умирает. И выйти из игры тоже не может.

Он собирался спокойно умереть. Но раз уж не дают, приходится жить: драться, дружить, защищать и почему-то становиться конунгом у народа, который в этом мире принято считать нечистью.

А корпорация, которой принадлежит игра, сначала не может его выключить. А потом решает, что должна.

Это книга о старике, который умирает не в том мире, где родился. И о том, что смерть — дело куда более людное и весёлое, чем принято думать.

«Если они не дают мне спокойно умереть, то и я им спокойно жить не дам».

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	17
Глава 3.	26
Глава 4.	41
Глава 5.	54
Глава 6.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Игорь Лес Мых Горыныч

Глава 1.

Прадедушка умирал. Умирал он долго, поэтому всем надоело ждать, и они разошлись по своим делам, оставив правнука присматривать за умирающим прадедом. Правнуку было всего двенадцать лет, и он любил своего прадеда. Особенно за то, что тот считал деда и отца глупыми сосунками. Пока в доме командовал прадед, все прочие домочадцы были просто рядовыми в строю, и правнук не чувствовал себя низшим по званию. А уж каким наслаждением было наблюдать, как прадед отчитывал отца с дедом, а те сидели и молча слушали. То-то же! Не всё вам, взрослым, малышей поучать — нашлась управа и на вас.

Но теперь командовать было некому. Грозный прадед лежал на кровати — ссохшийся, маленький — и не мог уже прикрикнуть ни на сына, ни на внука, ни на собственную смерть.

Смотреть на страдание умирающего у ребёнка не было никаких сил, поэтому он совершил поступок, который мог бы прийти в голову только ребёнку. Он надел на голову прадеду свой игровой нейрошлем.

Михаил вывалился в какое-то новое пространство. В этом не было ничего удивительного — после последней потери сознания его мозг впал в подобие комы, где мысли путешествовали от одного пузыря воспоминаний к другому. Но новое пространство отличалось тем, что в нём ничего не было. Кроме голоса из ниоткуда и разноцветных козявок, пляшущих перед глазами. Он попробовал отогнать козявок рукой. Но они не улетали. Голос из ниоткуда настойчиво что-то требовал. Михаил прислушался и сумел разобрать слова.

— Выберите своё игровое имя, — требовал голос.

— Чё? — не понял Михаил.

— Выберите, как вас зовут.

— Мих... гор... ич... — он попытался сказать «Михаил Игоревич», но голос предательски срывался.

У Михаила всё болело, голова кружилась, тело не слушалось, и вообще он чувствовал себя отвратительно... как мертвец. Ну вот зачем приставать к мёртвому и требовать его имя?

— Имя «Мых Горыныч» доступно. Желаете подтвердить свой выбор?

— Да всё равно, — махнул рукой Михаил. — Давайте заканчивать с этим бюрократизмом, и я уже спокойно умру.

— Выберите тип игрового персонажа.

Перед глазами опять заплясали козявки. «Буквы!» — догадался Михаил. Прищурившись, он сумел разобрать некоторые слова. Какие-то эльфы и гномы. Бессмыслица полная.

Может, он не умер, а это всё галлюцинации мозга? Тогда ему должно быть стыдно — солидный человек, а бредит всякой ерундой.

— Где я? В посмертии или в галлюцинации? — спросил он.

— Вы находитесь в виртуальном игровом мире «Фэнтези онлайн», самой продвинутой виртуальной игре...

— Вот только не надо мне рекламу впихивать, — перебил голос Михаил, — я от этого и при жизни натерпелся. Лучше скажи, как я здесь оказался? Я умер или нет?

— Ваша шкала жизни заполнена на сто процентов. Вы полностью здоровы!

От голоса из ниоткуда ничего полезного добиться было нельзя — телефонный автоответчик, он и есть автоответчик. Михаил вздохнул. Ладно, придётся разбираться самому, даже на пороге смерти.

Так. Давай, Миша, думай. Вариантов всего два. Либо я и правда умираю, и мой угасающий мозг напоследок состряпал эту галлюцинацию — странную, но уж больно непротиворечивую. Подозрительно непротиворечивую. Либо — и это куда проще — я взаправду торчу в какой-то виртуальной игре. Но как меня сюда занесло? Кто-то подключил. Доктора? Сын с внуком? Нет, не их рук дело. А вот Антошка, правнук-двенадцатилетка, от своих игр не отлипает. Он-то, шельмец, и сунул деду свой шлем.

— Выберите расу игрового персонажа, — не переставал

повторять вежливый, но занудный голос.

— Неужели никак нельзя обойтись без формальностей? Я пожилой человек, мне не до ваших гномов-троллей-шмоллей.

— Для создания игрового персонажа требуется выбрать расу.

— Чёрт с тобой. Выберу. Что-нибудь мужественное есть?

— Раса орков. Плюс к силе и боевой ярости.

— Подойдёт.

— Желаете стать орком равнин, гор или болот?

— Желаю стать молодым и отдыхать на пляже, и чтобы ничего не болело.

— К сожалению, расы морских орков не существует. Что вы выберете из доступного?

— Всю жизнь прожил в сыром и холодном климате, считай, и город наш на болоте стоит. Пускай будет орк с болот.

— Выбор подтверждён. Болотный орк. Имеет ярко выраженные рептилоидные характеристики. Кожа напоминает крокодилию и даёт плюс к защите от физического воздействия. Имеет бонус к природной магии...

— Да уже выпусти меня из этого пустого пространства, — взмолился Михаил, опять перебивая голос, — не интересуется меня вся эта дребедень.

— Желаете закончить настройки персонажа?

— Не желаю. Выпускай.

— Создание игрового персонажа завершено. Удачной иг-

ры в «Фэнтези онлайн»!

— И тебе не хворать, чучело электронное, — как ни сдерживался Михаил, а под конец всё-таки обозвал голос из ниоткуда.

Михаил очутился на поляне рядом с камнем возрождения. Неподалёку виднелось поселение, к которому он и зашагал. Настроение его улучшилось — лучше шагать в виртуальном мире, чем умирать в кровати в реальном. Люди в посёлке косились на него и смотрели почему-то с неприязнью. Но ему было всё равно. Ведь он либо уже почти умер, либо вот-вот умрёт. Всё, что его интересовало, так это перед смертью выпить глоток пива. Такое вот предсмертное желание. Поэтому он выискивал глазами ресторан или питейное заведение.

Таверна «Смеющийся кот» — попалась вывеска ему на глаза, и он вошёл внутрь. Нашёл незанятый столик и сел.

Посетителей было мало. Еду разносил пузатый бородатый дядька, который обходил Михаила стороной и каждый раз отводил взгляд, чтоб не встретиться глазами. Михаилу это надоело, и он ухватил дядьку за рукав, когда тот в очередной раз проходил мимо.

— Любезный, принеси кувшин пива, — попросил Михаил.

— Мы орков не обслуживаем, — ответил бородач.

— Почему?

— Мы не обслуживаем существ с отрицательной репута-

цией с королевством. Приказ короля.

— Слушай, друг, я скоро умру. Всё, что я прошу, — это глоток пива. Чёрт с ней, с этой репутацией и всей этой игровой ерундой. Понимаешь, я умираю в реальном мире. Принеси пиво.

— Не знаю, про какой такой реальный мир ты говоришь, но пиво я тебе не принесу. Приказ короля я не нарушу. Убейся из моего заведения.

— Ну вот что ты за человек? Тяжело пиво принести?

— Пыня, — позвал бородач охранника, — выведи этого орка вон.

К столу подошёл охранник. Большой — нет, не просто большой: он закрывал собой свет, и Михаилу пришлось задрать голову, чтобы разглядеть равнодушное, обвисшее лицо. Без единого слова он сгрёб орка за шиворот и поволок к выходу.

Драться Михаил умел и, что греха таить, в молодости любил подраться. Он привычно качнулся назад, чтобы перехватить чужую руку и провести подножку, — но тело отозвалось с опозданием, чужое и тяжёлое, будто надетое поверх собственного. Даже свои огромные ороczy лапы он чувствовал смутно, как чувствуешь отсиженную ногу.

Подножка вышла смазанной. Охранник её даже не заметил. Тогда Михаил ударил — снизу, в челюсть, вложив всё, что было. Кулак впечатался во что-то твёрдое и неподвижное, как в дверной косяк. Боль отдалась до самого плеча.

Охранник моргнул.

А потом ответил сам — коротко, почти лениво. Удара Михаил не увидел: просто потолок таверны вдруг оказался внизу, пол — сверху, и всё это куда-то поехало.

Пустота. Надпись перед глазами: «Вы умерли, но это всего лишь игра. Воскрешение возможно через 24 часа».

Михаил выругался. Ничего не происходило. Перед глазами бежали строчки каких-то диагностических сообщений — он успел выхватить только обрывки: «...не удаётся переключить... неигровой режим... ошибка...» Что это значило, он не понял, да и не до того было.

Возродился он на том же месте. Тряхнул головой, сжал, потом разжал кулаки. Человеком он был мирным, но только до определённой черты. Пока не перегорали предохранители. На этот раз запах перегоревших предохранителей распространялся на всю округу. Перед глазами маячили какие-то новые сообщения. Михаил от них отмахнулся — не до чтения, сердце kloкотало гневом.

Побродив по округе, он нашёл подходящий камень. Голыми руками Пыню взять было невозможно, в этом он уже убедился. Вероятно, имела место какая-то игровая механика, учитывающая разницу в уровнях, или что-то такое — до сегодняшнего дня Михаил не интересовался виртуальными играми. С камнем в руке он побежал к таверне.

Дверь он открывать не стал — влетел в неё плечом. Створка грохнула о стену, и в таверне разом смолкли голоса.

Охранник сидел всё там же, на лавке. Он повернул голову, узнал недавнего мертвеца — и на его лице начало медленно проступать удивление. То самое тупое, ленивое удивление сильного, который не привык, чтобы к нему возвращались побитые им люди, особенно свежие мертвецы.

Этой заминки Михаилу хватило.

Михаил работал на заводе, когда заочно учился в институте. Поэтому и сейчас камень он держал низко, у бедра, — как когда-то кувалду в цеху. Замах пошёл не от руки — от пяток, от спины, через намертво въевшуюся за годы привычку бить так, чтобы с одного раза. Камень вошёл охраннику в скулу с глухим, мокрым звуком.

Тот качнулся. Не упал — качнулся, и это было плохо. Взревел и пошёл вперёд, занимая собой полкомнаты. Кулак прошёл у самого виска, обдав ветром. Михаил не отступил. Отступить было некуда и незачем — он и так покойник, что в этом мире, что в том. Покойнику бояться нечего. Никто из посетителей и не подумал вмешаться — они смотрели на драку, как на представление, которое входило в стоимость еды.

Вместо отступления он поднырнул под руку, обхватил её, вывернул локоть и рванул вниз через плечо. Хруст он скорее почувствовал, чем услышал: короткий, отвратительный. Охранник зарычал от боли, но сумел схватить его здоровой рукой и начал валить на пол. Михаил колотил его в бок, который уже не могла защищать сломанная рука, и даже, ка-

жется, сумел сломать охраннику ребро.

Они повалились на опрокинутый стол. Враг навалился сверху, вдавил его в доски, и потное перекошенное лицо оказалось у самого лица Михаила. Тогда он сделал единственное, что ещё мог, — вцепился зубами в ухо и сжал челюсти до хруста. Во рту стало солоно и горячо. Орочьи зубы оказались крепкими и острыми, особенно выделяющиеся клыки.

Это было последнее, что он сумел сделать. Огромная ладонь нашла его горло, сдавила — и мир снова схлопнулся в чёрную точку.

«Вы умерли». Знакомые буквы. Михаил почти обрадовался им, как старым знакомым.

Система снова не смогла его отпустить.

Михаил возвращался в третий раз — и в третий раз шагал к таверне, и камень в руке уже казался привычным, едва ли не родным.

Дверь он на этот раз вышибать не стал. Просто вошёл. Пыня сидел на лавке — побитый, перевязанный, с тёмным провалом на месте уха. Увидев орка, он не вскочил. Он вообще не шевельнулся, только лицо его как-то осело, сделалось совсем тоскливым.

— Опять ты, — тихо сказал Пыня.

Михаил не ответил. Говорить было не о чем.

Удар вышел будничным, без злости — злость перегорела ещё в прошлый раз. Просто работа, которую надо доделать. Пыня охнул, сполз с лавки и затих. Больше он не встал.

Бородатый хозяин сунулся было из-за стойки — Михаил, не оборачиваясь, коротко приложил его кулаком, и тот сел на пол, обхватив лицо ладонями.

В таверне стало очень тихо.

Михаил перешагнул через Пыню, зашёл за стойку, толкнул дверь на кухню и вернулся с двумя пузатыми кувшинами. Выбрал стол, который не успели перевернуть, сел и наконец налил себе пива.

Пиво было тёплым и кисловатым. Михаил пил его медленно, со вкусом — со стороны просто болотный орк, который, отправив охранника в нокаут в третьем раунде, спокойно выпивает посреди оглушительной тишины. Охранника, тихо переругиваясь, куда-то уносили; хозяин уже не сидел на полу — куда-то исчез; посетители жались по углам и перешёптывались, не сводя с орка глаз.

Но спокоен он был только на вид. Свободную руку Михаил держал под столом — там, где никто не видел, как она подрагивает. Сердце колотилось. Слишком много всего случилось за последние пару часов: вместо того чтобы тихо умереть в кровати, он угодил в чужой мир, где успел подраться, дважды умереть и один раз убить человека. Для здешних игроков это, может, и каждодневная рутина, но он к такому готов не был. И не отпускало именно последнее. Одно дело — наставить синяков, а отнять жизнь — совсем другое. Даже если понарошку. Да и какое тут понарошку, если всё — и драка, и смерть, и тяжесть камня в руке — чувствуется по-

что как наяву?

И всё же. Признавать не хотелось, но где-то под страхом ворочалось что-то ещё — почти забытое, азартное, из буйной драчливой молодости. Чёрт возьми, да он был почти благодарен правнуку за то, что тот спровадил его перед смертью сюда. Игровой мир или нет — главное то, что чувствует человек. А Михаил впервые за долгое время чувствовал, что живёт.

Он сделал ещё один долгий глоток. К тому времени, как кружка опустела наполовину, рука под столом перестала дрожать. Вот так-то лучше. Михаил выдохнул — и тут к его столу подошла женщина.

— Позвольте присесть? — спросила она низким хрипловатым голосом.

Михаил жестом пригласил женщину к своему столу.

— Меня зовут «Опасная Марго», но можно просто Марго.

— Михаил.

— В игре не принято делиться своим настоящим именем.

— Да какой из меня игрок, — махнул рукой Михаил, — я сюда совершенно случайно попал.

— Разве такое возможно? — удивилась Марго, приподнимая красивую бровь.

— Я сейчас в реале лежу в кровати и умираю. Думаю, что мой правнук надел на меня свой игровой нейрошлем. Пожалел старика. И вот я здесь. Ну, раз такие дела, решил напоследок пива попить, хотя бы и виртуального. А они меня об-

служивать не хотят.

— И понятно почему: ты же орк, — она усмехнулась. — Тебе бы возрождаться в орочьих землях, а не среди людей. Тут у тебя репутация ниже плинтуса. Тут ты каждому враг.

— Так откуда же я знал? Говорю, я же не игрок. Я вообще думал, что попал в какое-то подобие посмертия.

— Верно, ты же совсем ничего про игру не знаешь. Но незнание правил игры не освобождает тебя от неприятностей. Тебе сейчас нельзя здесь сидеть. Хозяин таверны наверняка побежал за городской стражей.

— А мне всё равно идти некуда. Лучше уж я тут спокойно посижу, пиво попою. Мне здесь имя Мых Горыныч дали. Горынычи от драки не бегают, они ждут, когда следующий противник сам к ним придёт.

Дверь таверны резко распахнулась, и внутрь ввалились вооружённые стражники. За их спинами виднелся хозяин таверны, который злобно скалился и сверкал глазами — одним открытым, а другим заплывшим из-за налившегося фингала.

— Я послала тебе запрос на соединение, — быстро проговорила Марго.

— Чего? — не понял Михаил, глядя на приближающихся стражников. — На какое соединение?

— Чтобы мы сообщениями обменивались.

— Где?

— Ну ты точно древний Горыныч, — только и успела сказать Марго, перед тем как Михаил запустил пустой кувшин

в первого стражника.

Обнаружив сопротивление, стражники оживились: в каждой работе есть свои маленькие радости, а радость стражника — применить молодецкую силушку. Они навалились все разом, но действовали аккуратно — не убить задержанного, а подольше его попинать. Со стражниками в отряде был боевой маг. Какое-то время он со скучающим видом наблюдал, как развлекаются сослуживцы. Потом ему надоело, и он наложил на Михаила обездвиживающее заклятие. Каждый из стражников напоследок ещё пару раз пнул недвижимого орка, затем его связали и понесли в тюрьму. Михаил хорошо запомнил лица людей, которые его били. Особенно лицо мага, который так подло наколдовал, — он ему этого не забудет.

Когда драка закончилась и её нового знакомого унесли, Марго проверила содержимое второго кувшина. В нём ещё оставалось пиво. Она вылила пиво в кружку и отпила, задумчиво постукивая длинными пальцами по столу. Игрок с именем Мых Горыныч определённо произвёл на неё впечатление. Как он сумел так быстро вернуться в игру после смерти? Она впервые о таком слышала. Никому ещё не удавалось обмануть двадцатичетырёхчасовой кулдаун после смерти. И как он умудрился убить охранника со своим нулевым уровнем? А главное — в нём была харизма, какой она уже давно ни в ком не встречала.

Глава 2.

В темнице было совершенно нечем заниматься. Может, другие игроки могли выйти из игры и не скучать взаперти, но ему выходить было некуда. С другой стороны, даже запертым в темнице лучше быть, чем умирать в постели. Ко всему прочему, у него теперь появилась новая цель — отомстить хозяину таверны и стражникам, которые его поймали и заключили в эту темницу. Поэтому он стал готовить своё игровое тело к предстоящим дракам. Как тренировать игровое тело, Михаил не знал и решил использовать известные упражнения: отжимания, приседания, подтягивания на прутьях решётки, набивку кулаков о стену и бой с тенью. Поначалу силы быстро заканчивались, и приходилось часто отдыхать. Но постепенно тренировки становились дольше, а отдых — реже. Теперь главное — чтобы мозг не умер до того, как он отомстит обидчикам.

Михаил уже не понимал, сколько дней провёл в королевской тюрьме, когда неожиданно увидел рядом с собой на полу мышку. В этом не было бы ничего удивительного, если бы она не размахивала чем-то белым. В слабом свете казалось, что она машет белым флагом, желая переговоров или сдачи в плен. Придвинувшись ближе, Михаил разглядел у неё в лапках белую бумажку. Осторожно взяв у мышки записку, он развернул её — и на ней волшебной подсветкой засвети-

лись слова.

Привет, Горыныч. Это Марго. Тебя кто-то ищет. Догадываюсь, ты не умеешь пользоваться игровым меню. Ниже я пошагово объясняю, как принять запрос на соединение и прочитать моё письмо.

Далее следовала долгая и скучная инструкция. Но чего-чего, а времени у Михаила хватало. Шаг за шагом он стал осваивать пользовательский интерфейс. Несмотря на то что все команды можно было отдавать мысленно, он по привычке сопровождал каждое действие движением рук. Наконец добрался до почты и сообщений, добавил Марго в друзья и стал читать её послание.

Опасная Марго: *Привет, Мых Горыныч! Если ты читаешь это письмо, значит, с общей безграмотностью на этой планете окончательно покончено. Ура! Последний неандерталец научился пользоваться почтой! Перехожу к делу. На одном из форумов я увидела удивительное сообщение. Игрок с именем «Тоха Следопыт» ищет в игре потерявшегося родственника. Понятное дело, все над ним издеваются и смеются, но я вспомнила про тебя. Напиши что-нибудь, когда найдёшь свободную минутку в своём тюремном расписании.*

Он улыбнулся — давно уже ему не писали женщины. Посмотрел на разбитые о тюремную стену костяшки пальцев, увеличил виртуальную клавиатуру перед глазами и принялся печатать ответ, тыкая в неё сосисками-пальцами.

Мых Горыныч: *Дорогая Марго, спасибо, что не забыла*

про узника совести, по оговору заключённого в тюрьму. Теперь по делу. Правнука моего зовут Антоха, так что это определённо он меня ищет. Помогите, пожалуйста, нам соединиться.

Он закрыл интерфейс. Поприседал, размялся, принялся колотить стену кулаками — так ему почему-то лучше всего думалось. Если Антоха напишет, придётся снова общаться с роднёй. А этого уже не хотелось: он так устал от всех за свою долгую жизнь, уже внутренне принял смерть — а тут опять полезут со своими дурацкими разговорами. Странное дело: вокруг него всю жизнь толпился народ, а по-настоящему тихо стало только здесь — в каменном мешке виртуальной реальности. И к этой тишине он, оказывается, успел привязаться.

Загорелась иконка нового сообщения. Пришло письмо от правнука.

Тоха Следопыт: *Привет, прадеда! Ну и имечко ты себе выбрал в игре, прикольно. Как ты сумел познакомиться с игроком такого высокого уровня, как Опасная Марго? Она же настоящая легенда! Я отвлёкся. Ну и досталось же мне от взрослых за то, что я надел на тебя нейрошлем. Ты даже не представляешь. И главное — мы теперь этот шлем с тебя снять не можем: только начинаем отключение, как все твои медицинские аппараты принимают кричать. Короче, подсел ты на игру серьёзно, ха-ха. Меня отправили в игру тебя искать. Без разведанных мне теперь возвращаться*

нельзя — устроят семейный трибунал. Что будем делать?

Мых Горыныч: Да всё не так плохо. В системе происходит сбой, когда она пытается отключить меня от игры, и я тут же воскресаю. Так что драться здесь — одно удовольствие. Передай там всем нашим: у меня тут дела, и отключать меня нельзя ни в коем случае.

Тоха Следопыт: Ну ты, прадед, даёшь! Это какие же у тебя в игре дела?

Мых Горыныч: Надо поквитаться с одним владельцем таверны, одним боевым магом и несколькими стражниками на королевской службе.

Тоха Следопыт: Ничего не выйдет — у тебя слишком низкий уровень.

Мых Горыныч: Я что-нибудь придумаю.

Тоха Следопыт: Прадеда, не дури, тебя надо из тюрьмы вытаскивать. В системе из-за тебя сбой: ты уже давно должен был умереть в тюрьме и возродиться. Но теперь ты не можешь умереть, и система не знает, что с тобой делать. Стражники про тебя попросту забыли — для них ты мёртв.

Мых Горыныч: Есть идеи, как мне выбраться?

Тоха Следопыт: Поговорю с Марго — она сильный маг, могла бы помочь. Напишу позже. Пока.

Перед тем как убрать с глаз долой все окошки, Мых посмотрел на шкалу силы — она заметно выросла. Значит, не зря он тренируется. И он с новыми силами принялся снова

колотить кулаками в стену.

Увлёкшись, он не заметил присутствия гостя.

— Неплохой джеб, но не уводи локоть в сторону, — неожиданно услышал Мых рядом чей-то голос.

Резко развернувшись, он увидел полупрозрачный силуэт старого человека.

— А ты кто такой? Мастер тайных боевых искусств?

— Я призрак погибшего в этих застенках графа Монте-Карло. И я мастер многих тайных искусств.

— Чего тогда здесь торчишь? Открыл бы школу ниндзя-чебурашек — от учеников отбоя бы не было.

— Не могу. Я же призрак. Я навсегда привязан к этому месту.

— Ну здесь тоже ничего. У нас полстраны в таких условиях живёт.

— Ты имеешь в виду земли болотных орков, откуда ты родом?

— Типа того, — ушёл от прямого ответа Мых.

— У меня для тебя есть квест, о отважный герой. Надо освободить всех узников, несправедливо заточённых в королевских казематах.

— Зачем мне квест? У меня свои дела есть.

— Разве может герой жить, не имея в жизни важных заданий и целей? Принимаешь квест или отклоняешь?

— Отклоняю. Извини. Найди кого-нибудь другого. Я сейчас действительно занят.

На лице призрака появилось недовольство. Он заговорил совсем другим тоном.

— Слушай, чего ты кривляешься, бери квест. Кроме тебя никто из игроков не просидел в застенках достаточно долго, чтобы увидеть мой призрак. Я тебе за этот квест всяких легендарных плюшек дам. Некоторые даже авансом. Они помогут тебе самому отсюда выбраться.

— Это другое дело. Ты меня заинтересовал. Чего дашь?

— На выбор. Первое — легендарная отмычка, позволяющая открывать тюремные замки. Второе — легендарная кирка, позволяющая копать проходы из тюрьмы. Третье — легендарная кувалда, позволяющая ломать тюремные замки и двери.

— Выбираю кувалду, — не задумываясь сказал Мых.

— Я почему-то не сомневался, — хмыкнул призрак. — Можешь достать кувалду из своего инвентаря.

Мых достал кувалду, которая знакомо легла в руку. На вид в ней не было ничего легендарного — функциональное оружие труда со следами долгого употребления. Но настоящий слесарь выбрал бы именно такой инструмент, а не новую блестящую одноразовую игрушку.

— Ну, папа Карло, уважил, — сказал Мых, крутя в руках кувалду.

— Граф Монте-Карло, — поправил его призрак, всем своим видом намекая, что оскорбился.

— С такой-то красавицей я какие угодно двери открою,

— продолжал любоваться инструментом Мых, — но как я найду всех тех заключённых, которых надо освободить?

— Я переслал тебе карту королевских подземелий. Зелёными кружочками отмечены места, где заключены невиновные. Красными — где сидят опасные монстры; эти двери не открывай.

— Всё понятно. Разберёмся.

— Замечательно. Рад был нашей встрече и знакомству.

— Я тоже. Передавай привет графине.

— Я одинокий призрак, у меня нет спутницы... Вы все такие фамильярные?

— О, я ещё ничего. Пожил бы ты с нашим орочьим народом — сразу привык бы к бытовому хамству.

Призрак графа растаял, словно его здесь и не было.

Освобождать незнакомых узников Мых не особо рвался — не его это печаль. Но переполох в королевских застенках — отличное прикрытие, чтобы наконец выбраться наружу. А там, глядишь, и до хозяина «Смеющегося кота», и до того подлого мага руки дойдут. Граф, сам того не зная, выдал ему не квест, а отмычку к старым счётам.

Появилась иконка входящего сообщения.

Опасная Марго: Привет, Горыныч. Как сидится? У меня есть план твоей эвакуации. Я пришлю тебе с мышкой два магических свитка. Один для взлома замка, другой для покрова невидимости. У орков есть способность к природной магии. Вложи все свои нераспределённые очки в мудрость,

чтобы суметь прочитать свитки.

Мых Горыныч: *Привет, Опасная. Планы немного меняются. Тут местный призрак подкинул мне квест: освободить всех заключённых. И инструмент дал, чтобы двери ломать, — так что замки и двери беру на себя. А свиткам твоим я, пожалуй, найду применение получше. Сможешь отвлечь стражу, пока я буду шуметь по камерам?*

Опасная Марго: *Отвлечь могу. Устрою фейерверк, напущу морок. Не могу поверить, что система тебе так благоволит — первый раз слышу, чтобы кто-то в тюрьме получил квест. Сделай пати для квеста, включи меня и Следопыта.*

Мых Горыныч: *Тоху включать не буду — не детское это дело.*

Опасная Марго: *Это всё виртуальная реальность, игра. Люди сюда приходят, чтобы играть. Все — и взрослые, и дети. Один ты ведёшь себя как Дон Кихот, сражающийся с виртуальными пикселями.*

Замигала иконка входящего сообщения от правнука.

Тоха Следопыт: *Прадеда, Марго сказала, что ты в подземелье квест получил. Круто! Везёт же тебе! Включи меня в пати для квеста. И моего друга. Её зовут Лиса Кицунэ.*

Мых Горыныч: *А родители знают, что у тебя уже подруга есть?*

Тоха Следопыт: *Прадеда, перестань. Она просто виртуальный друг.*

Мых Горыныч: У твоего деда тоже была виртуальная подруга — её никто не видел, — а потом у них вполне реальный ребёнок родился, твой отец. Смотри у меня!

Замигала иконка входящего сообщения от Лисы Кицунэ.

Лиса Кицунэ: Уважаемый Мых Горыныч, Тоха столько о вас говорил! Наконец-то у меня появилась возможность лично с вами встретиться!

Мых Горыныч: Вот и познакомимся в деле. Значит так, орлы. Кувалда и шум — это по моей части. А вам — оба свитка Марго: станете невидимыми и тихонько отопрёте наугад пару-тройку чужих камер по всему подземелью. Пусть стража носится и гадает, откуда лезут узники, — а я тем временем сделаю настоящее дело. И смотрите мне: чуть запахнет жареным — врубаете невидимость и брысь оттуда. За вас мне перед роднёй отвечать.

Глава 3.

Сердце у Тохи колотилось где-то под самым горлом. Настоящий квест — не рядовая зачистка мобов, а настоящий, легендарный, из тех, что и взрослым выпадают нечасто. И рядом — Кицунэ. Он украдкой покосился на неё: стоит себе спокойно, будто на тренировке. А у него самого вспотели ладони.

Они затаились в тени крепостной стены, у самого края двора. Где-то там, дальше, была тюрьма — и их часть плана.

— На исходной позиции, — доложил Тоха и тут же мысленно обругал себя: голос предательски дрогнул.

— Я тоже, — отозвалась Кицунэ.

— Поехали, — скомандовала Марго.

И будто по команде где-то над крепостью полыхнуло и грохнуло — раскатисто, празднично, словно разом запустили сотню фейерверков. Это Марго. По двору заметались огни и тени, поднялся крик, затопали сапоги — стража валом повалила на шум, прочь от них. Устраивать представление Марго умела.

— Держи свиток невидимости. — Тоха протянул его Кицунэ, стараясь, чтобы рука не дрожала.

— Ты что, забыл? — фыркнула она. — Я же лиса-оборотень, меня и так никто не заметит. Двадцать секунд невидимости, потом пять секунд кулдауна.

Тоха почувствовал, что краснеет, и порадовался, что в полумраке этого не видно. Развернул свиток, прочитал — и мир чуть подёрнулся рябью. Он стал почти невидим.

— Двигаемся перебежками, — шёпотом распоряжалась Кицунэ. — Я выбираю место, бежим, прячемся, пережидаем кулдаун. Под невидимостью я держусь двадцать секунд, потом пять секунд — как на ладони.

— Ай-ай, капитан, — шепнул Тоха.

— Отставить шуточки. Побежали.

Двор пересекли одним броском, от тени к тени; сердце у Тохи ухало в такт шагам. В первом же коридоре, узком и сыром, Кицунэ вдруг проступила из воздуха — кулдаун. Пять секунд. И именно в эти пять секунд из-за поворота вывернул стражник.

— Сто-о-ой! — заревел он, увидев взявшуюся из ниоткуда девчонку, и кинулся на неё, опустив алебарду.

Тоха застыл. Он-то был невидим, стражник смотрел сквозь него — но ноги будто вросли в пол, а в голове стало пусто и звонко. Лезвие неслось прямо на Кицунэ, а она всё ещё не могла исчезнуть. Ещё шаг. Ещё.

«Делай хоть что-нибудь», — толкнуло изнутри, и Тоха, не думая, выставил ногу.

Стражник, не видя преграды, со всего разбега зацепился за неё и рухнул — грузно, лицом вперёд, гремя железом по камню, — к самым ногам Кицунэ. А та уже взяла себя в руки: метнулась к упавшему, склонилась и шепнула ему в ухо

сонный наговор. Стражник обмяк.

Тоха выдохнул. Колени подрагивали. А по коридорам уже катился топот — на крик и на лязг железа со всех сторон бежали другие.

— Бежим! — Тоха схватил Кицунэ за рукав и потянул в боковой проход.

Они неслись наугад. Топот отражался от каменных стен и, казалось, нагонял со всех сторон разом — не понять, где стража, а где эхо. Любой поворот мог вывести прямо к ним в руки. Тоха задыхался, но остановиться было страшнее, чем бежать.

— Надо открыть какую-нибудь дверь и спрятаться, — выдохнула на бегу Кицунэ.

— Тогда нечем будет вскрывать камеры, — Тоха и сам удивился, что в такую минуту ещё помнит о плане.

— Если нас поймают, то и так их не откроем.

Крыть было нечем. За следующим поворотом Тоха дёрнул первую попавшуюся ручку — заперто.

— Закрыта. Открывай! — выпалил он.

Кицунэ уже разворачивала свиток. Топот всё ближе. Она прочитала волшебные слова — Тохе показалось, что это тянулось целую вечность, — и замок наконец щёлкнул. Они ввалились внутрь; Тоха налёг спиной на дверь и тихо притворил её за собой.

После сырого коридора комната ударила в глаза роскошью: ковры, золочёные подсвечники, тяжёлые портьеры. На

кушетке возлежала дородная дама в платье, какого Тоха не видел даже в музее. На узницу она походила меньше всего.

— Здравствуйте, сударыня, — поздоровалась Кицунэ.

— Обращайся ко мне «Ваше Величество». Я когда-то была королевой, пока мой муженёк не нашёл себе новую, молодую жену и не запер меня в этой ужасной темнице.

«Время уходит», — мысленно застонал Тоха, косясь на дверь. За ней всё ещё топотали сапоги.

— Ваше бывшее величество, мы пришли вас освободить, — объявила Кицунэ, и бровью не поведя.

Тоха только подивился такой наглости: ляпнуть «бывшее» в лицо королеве — и хоть бы что.

— Мы? Я вижу только тебя одну.

— Мой друг рядом стоит. Просто он сейчас невидим.

— Дорогуша, уверяю тебя: если мужчину рядом с тобой не видно, то его всё равно что и нет. Поверь моему опыту!

«Эй!» — едва не вырвалось у Тохи вслух. Его мужское достоинство было задето. Он обиженно засопел в своём углу.

— Я здесь, Ваше Величество, — подал он голос, — но я и правда сейчас под покровом невидимости.

— А что это там грохочет за стенами? — заинтересовалась королева.

— Это наши элитные отряды отвлекают стражу, пока мы вас спасаем. Народ устал от тирании и любовных похождениях короля. Мы хотим вернуть нашу любимую королеву на трон, — выпалила Кицунэ.

Тоха чуть не поперхнулся. Какие ещё «элитные отряды»? Какой народ? Но врала она с таким честным лицом, что и сам Тоха почти поверил.

— Ну, раз народ хочет...

— Очень хочет. Умирает как хочет, — поддакнул невидимый Тоха и тут же подумал, что, кажется, переборщил.

— Я не могу отказать своему народу. Король запер меня в звуконепроницаемой комнате. Но пришло время выйти и сделать так, чтобы мой голос услышали. А вы оставайтесь здесь и заткните уши.

Они едва успели зажать уши ладонями. Королева величаво выплыла в коридор, навстречу бегущей страже, и широко раскрыла рот.

То, что вырвалось наружу, Тоха почувствовал не ушами, а всем телом. Воздух будто сгустился и ударил; по стенам прошла дрожь, с потолка дождём посыпалась пыль. Даже сквозь прижатые ладони звук ввинтился в череп так, что заломило зубы. В коридоре что-то тяжело валилось на камень — это падали, как подкошенные, стражники.

Кицунэ метнулась к двери и захлопнула её, отрезав вой. В наступившей тишине тонко звенело в ушах.

— Что это было? — выдавил Тоха, отнимая ладони от ушей. — Звучит как сотня пожарных сирен разом.

— Наша королева — боевой маг. В её арсенале есть убийственная звуковая волна, — Кицунэ прислушалась к стонам за дверью и невозмутимо добавила: — А ещё она очень,

очень зла на своего бывшего мужа.

Пока ребятки отсиживались за дверью бывшей королевы, в другом конце подземелья шла работа поглубе.

Мых шёл по коридорам и открывал дверь за дверью.

Руки дрожали от усталости, голова гудела, как медный колокол, — столько ударов в ней сегодня отозвалось. Он давно перестал сверяться с картой, зелёным ли кружком помечена дверь или красным. Открывал все подряд. Не какому-то мёртвому графу решать, кому быть свободным, а кому гнить дальше.

Из распахнутых камер выходили самые разные твари: одни — почти как люди, другие — невообразимые чудища. Кто-то благодарил, кто-то сразу кидался наутёк. Но на своего освободителя не бросился никто.

Монотонность этого освободительного похода прервал вой сирены откуда-то сверху.

— Ребятки, что там у вас? — спросил Мых в пустоту коридора. — Какого ужасного монстра вы выпустили на волю?

— Мы случайно освободили одну отвергнутую женщину, — отозвалась Кицунэ.

— Не могли, что ли, выпустить обычного монстра? — проворчал Мых. — Теперь мы все в большой опасности.

— Извини, прадеда. Случайно вышло, — повинился Тоха.

— Да чего уж. Одной бедой больше, одной меньше, — буркнул Мых и пошёл дальше.

Одна дверь стояла особняком. Не чета прочим: сделана из какого-то незнакомого материала и сплошь покрыта магическими рунами. Мых провозился с ней дольше всего, но в конце концов и она сдалась упрямому орку.

Внутри было пусто — хоть шаром покати. Столько сил угробить на эту заколдованную дверь, и всё ради пустой камеры? Мых раздосадованно крикнул и уже шагнул прочь, когда из тёмного угла его догнал тихий, дребезжащий старческий голос:

— Внучок, помоги подняться.

Войдя, Мых разглядел в углу ссохшуюся старуху — орочьего племени, как и он сам. Он попробовал её поднять, но старуха была так слаба, что нечего было и думать, будто она пойдёт сама. Бросить старуху подышать в каменном мешке было не по-людски. Поколебавшись, он взвалил её на плечо и вынес в коридор.

— Дверку-то прихвати с собой, — прошелестела старушечка бледными губами, свисая у него с плеча.

— Чего? Какую дверку? — ничего не понимая, спросил Мых.

— Так мою дверку, за которой я сидела.

— Ты, старая, никак умом тронулась? Мало того что я тебя тащу, так ты ещё хочешь меня этой железякой нагрузить?

— Ты слушай, внучок, я плохого не посоветую. Дверка та не простая. Простую я бы своей магией в труху разнесла. А эту — нет: она выкована из щита великого воина древности.

А тебе без хорошего щита никак нельзя.

Мых усадил старуху на пол, прислонив к стене, и пошёл изучать дверь. Опытным глазом бывшего слесаря он сразу прикинул, что проще всего снять её с петель. Снял — и обнаружил, что с обратной стороны и впрямь приделана рукоять: бери да держи перед собой, как щит.

— Тебя как звать, бабуля?

— Звать меня Гульнара.

— А я Мых Горыныч.

— Знаю. Было мне про тебя видение.

— Ты, бабуля, ври, да не завирайся. Я сюда вообще случайно попал, из другого мира.

— Всем, кто не видит нитей судьбы, всё кажется случайным, — сказала Гульнара.

— А ты вообще кто? — спросил Мых.

— Ведьма. Кто же ещё, — ответила Гульнара.

Пока он возился с дверью, за которой томилась орочья ведьма, все освобождённые узники успели разбежаться. Пора было и ему подниматься наверх.

Мых сверился с картой призрака: все зелёные двери были уже открыты. Он поудобнее перехватил старуху на правом плече, поднял перед собой щит левой рукой и заспешил к выходу.

Пробегая мимо одной из ещё запертых дверей, он услышал за ней тихое жалобное скуление. Шага Мых не замедлил: своё он отработал, а тащить на горбу ещё кого-то не бы-

ло ни сил, ни охоты.

— Надо вернуться и открыть эту дверь, — сказала Гульнара.

— Ты теперь мной командовать будешь, что ли? — спросил Мых.

— Во-первых, старших надо слушаться. А во-вторых, у меня на такие дела чутьё. Открывай.

Мых скрипнул зубами, но повернул назад.

Внутри, на каменном полу, грузно лежал огромный зверь — не то медведь, не то матёрый волк. Рядом, тычась в холодный бок, скулил маленький щенок.

— Бери щенка и уходим, скорее, — сказала ведьма.

— Если я буду тебя во всём слушаться, мне придётся утащить отсюда половину этого подземелья.

На удивление, ведьма спорить не стала. Да и незачем: Мых ещё ворчал, а руки его уже сами тянулись к щенку. Гульнара только усмехнулась — этого орка она, похоже, уже видела насквозь.

Мых сунул щенка за пазуху, и они двинулись дальше, наверх.

Спокойно идти им пришлось недолго. Дорогу заступил боевой маг — тот самый, что тогда, в таверне, сковал его заклятием и отправил за решётку.

— Почему-то я сразу понял, что весь этот переполох — из-за тебя, — сказал маг.

— Вот и славно, — Мых оскалился. — А то я уж боялся,

что придётся тебя разыскивать по всему подземелью.

Маг не стал размениваться на любезности — коротко выбросил руку в сторону орка:

— Спи.

Защититься Мых не успел — да и, по правде, не знал как. Спас его щенок: в последний миг зверёныш выскочил из-за пазухи, кинулся навстречу заклятию и принял весь удар на себя. Тихо тявкнул, свернулся клубком на холодных камнях — и заснул.

Мых не стал ждать второго раза. Шагнул вперёд и с размаху приложил мага щитом. Маг отлетел, но быстро поднялся, встал в боевую стойку — и метнул шаровую молнию. Мых успел вскинуть щит. Молния с шипением расплескалась по нему и схлынула, не причинив орку ни малейшего вреда.

— Хороший щит, — одобрительно кивнул маг. — Только он тебе не поможет.

Маг вскинул руку, и с его пальцев сорвалось заклятие: «Гравитация!» Щит с кувалдой в тот же миг налились свинцовой тяжестью, рванули руки вниз. Пальцы разжались сами собой, оружие с грохотом рухнуло на камень. Маг осклабился и шагнул к безоружному орку вплотную.

И поплатился за это.

Маг учёл всё: и шкалу силы, и кувалду, и легендарный щит. Одного не учёл — кулаков. Тех самых, что Мых до кровавых ссадин набивал о тюремную стену.

Удар пришёл снизу, от пятки, со всей злостью, что копи-

лась в орке ещё с таверны. Голова мага мотнулась. Второй удар. Третий. Тут уже не было ни заклятий, ни уроней — только кулак и расплата. У мага разом кончились и силы, и всё его колдовство, а Мых всё бил и бил.

— Оставь его, не убивай, — сквозь пелену ярости до Мыха пробились слова ведьмы. — Он на службе у короля, человек подневольный. Не его это вина.

Мых остановился в последний момент — маг уже хрипел, едва живой. Орк склонился к его разбитому лицу.

— Меня ты не убил — не убью и я тебя. В этот раз. Но не попадайся мне на пути.

Он наклонился, подобрал с пола спящего щенка и осторожно сунул его обратно за пазуху.

Тюремный двор встретил Мыха тишиной. Он-то готовился пробиваться с боем — а биться, выходит, было не с кем.

Двор опустел. Ни стражи, ни беглых узников — только следы пронёсшегося здесь урагана: брошенные алебарды, распахнутые настежь ворота, чёрные подпалины там, где порезвились фейерверки Марго, и каменная крошка на плитах — результат акустической атаки королевы.

— Похоже, мы опоздали на самое интересное, — сказал Мых, ни к кому в особенности не обращаясь.

Он огляделся — и от сердца отлегло. Через двор, целые и невредимые, к нему шагали все трое: Тоха, Кицунэ и Марго. Живы. Значит, их план удался.

— Ну и обличье ты себе выбрал, прадеда, — присвистнул

Тоха, оглядывая двухметрового болотного орка, перепачканного в крови и каменной пыли.

— А мне нравится, — заявила Кицунэ. — Мужчина должен быть brutальным.

Тоха насупился. Мых покосился на девчонку и хотел было спросить, сколько ей лет. Но, глянув на красные уши правнука, передумал: нет на свете дела глупее, чем лезть к детям с поучениями.

— Откуда палица и щит? — полюбопытствовал Тоха.

— Это кувалда, а не палица, — с достоинством поправил Мых. — Эх, жаль, не успел я тебя приобщить к слесарному делу.

— А почему у тебя на плече мёртвая старушка? — спросила Кицунэ.

— Она живая. Просто притомилась, отдыхает.

— Спасибо вам всем, — сказал Мых. — Без вас мне бы отсюда не выбраться.

Слова дались непросто: благодарить он давно отвык — да и просить о помощи тоже. Но эти трое заслужили.

— Да брось, прадеда! — замахал руками Тоха. — Это нам с тобой повезло. Без тебя такой квест нам бы в жизни не отломился.

— Мы теперь знаменитости! — возбуждённо подхватила Кицунэ. — На всю игру прославились! Первые получили и выполнили квест в королевской тюрьме!

Праздновать, впрочем, оказалось рано.

— Я только что получила сообщение. — Марго нахмурилась, вчитываясь в видимые ей одной строчки. — Нас всех объявили вне закона. По всему королевству. За нападение на тюрьму и попытку государственного переворота.

— Ух ты! — Кицунэ листала свои оповещения, и глаза у неё горели. — За мою голову король столько золота отвалил! На такие деньги можно легендарный набор шмоток купить!

Мых только хмыкнул. Для девчонки цена за голову была не угрозой, а ценником — поводом помечтать, а не испугаться.

— Да вы что, не понимаете? — Тоба побледнел. — За нами теперь будут охотиться все. Игроки — ради награды, НПС — по приказу короля. Всё королевство.

— Вот потому и надо отсюда валить. Побыстрее, — отрезала Марго.

Мых наскоро пролистал свои оповещения и зацепился взглядом за последнее.

Соня Бум: *Мых Горыныч, прими поздравления от своей законной королевы. Ты и твой отряд проявили себя как настоящие герои. Предлагаю тебе помочь мне вернуть трон: победи короля и его армию — и тебя с твоими людьми ждёт королевское вознаграждение. Понимая, насколько это непросто, сроков я не назначаю.*

Мых перечитал дважды. Ещё нынче утром он хотел одного: выпить кружку пива и спокойно помереть. А теперь какая-то законная королева — та самая, что недавно голосила

в коридоре, — звала его воевать с королём.

— Королева предлагает нам спихнуть короля с трона и усадить туда её, — сообщил Мых отряду.

— Ура-а-а! — завопили дети.

Издалека, нарастая, накатывал гул толпы.

— Сейчас нас будут убивать, — сообщила Марго спокойно, будто о погоде.

— Так дадим бой! — Тоху вскинул кулаки.

— Красиво. И глупо, — отрезала Марго. — Нам нужно одно — вытащить Горыныча из королевства. Спокойно жить ему тут не дадут. Скоро все смекнут, что двадцать четыре часа на возрождение ему не нужны, и начнут сторожить его у камня воскрешения.

— И какой у тебя план? — спросил Мых.

— Геройствовать сегодня тебе, похоже, придётся одному, — Марго быстро излагала свой план. — Мы втроём рванём в посёлок, к твоей точке возрождения. Ты тут держись сколько сможешь. А как умрёшь — там, в посёлке, и встретимся.

— Дельный план, — одобрил Мых и принялся раздавать нажитое добро.

— Держи бабульку. — Он переложил Гульнару с плеча на руки Тохе. — Капризная, но не зловредная.

Ведьма зыркнула на орка, однако смолчала — лишь поджала губы.

— А это тебе. — Мых выудил из-за пазухи сонного щенка и протянул Кицунэ.

— Ой, какая прелесть! — Та запрыгала от радости и прижала зверёныша к груди.

Тоха смотрел на щенка с такой завистью, что Мых едва сдержал ухмылку.

— Всё, бегите, — сказал он. — Встретимся на точке рождения.

Дети с ведьмой и щенком бросились прочь. Мых проводил их взглядом, взял на изготовку кувалду и щит, неторопливо повернулся к воротам, из-за которых всё нарастал гул толпы.

Один. Против целого королевства.

Мых перехватил кувалду поудобнее и оскалился навстречу. Помирать так помирать — ему ли привыкать.

Глава 4.

Очнулся Мых, крепко стиснув рукоять кувалды, — вот только самой кувалды в руке не было. Она преспокойно лежала в инвентаре, где ей и положено после возрождения. Пальцы сжимали пустоту.

«Что-то со мной не так», — подумал он. Для всех вокруг это просто игра, забава, а он всё принимает всерьёз. Вон, только что дрался с толпой — дрался по-настоящему, на-смерть, будто и не в игре вовсе. Так, наверное, нельзя. Так, наверное, глупо. Но иначе он попросту не умел.

Сердце всё ещё колотилось после драки. Тело было новенькое, с иголочки, а в нём всё равно отзывались фантомные отголоски ударов — память о том, как его избивала толпа.

Не то чтобы это было важно. И всё же немного обидно: налетели скопом, лупили чем попало — будто он не человек, а так, рядовой моб. Непись без права на чувства.

Возродился он, как и было задумано, у камня в посёлке — отряд уже ждал его там. План Марго сработал без сучка без задоринки: Мых геройски умер у тюрьмы, а очнулся здесь, среди своих. Удобная всё-таки штука этот его сбой.

— Куда теперь? — спросил Тоха.

— Надо побыстрее уходить из города, — сказала Марго.

— Я хочу кушать, — подала голос Гульнара с рук Тохи.

— Идём в таверну, — решил Мых. — Накормлю бабулю, заодно и со старым другом повидаяюсь.

— Со старым другом, — повторила Марго и недовольно покачала головой. Она-то прекрасно понимала, о каком друге речь.

По дороге к таверне Марго завела разговор.

— Мых, ну неужели ты не понимаешь: хозяин таверны — непись. Строчки кода. Зачем его убивать?

— Я понимаю, что он непись, — ответил Мых.

Марго не ожидала такого прямого ответа. Она думала, Мых сейчас начнёт придумывать какие-нибудь теории.

— Хорошо. Тогда зачем тебе сводить с ним счёты?

— Из-за них. — Мых кивнул в сторону детей, убежавших чуть вперёд.

— А они-то тут при чём?

— Кругом полно ненастоящего. Каждая группа людей индоктринирована каким-то своим вымыслом. Настоящее и ненастоящее живут в головах людей — потому между ними и разница невелика. Хочу, чтоб ребята научились не прогибаться. Никогда и ни перед чем.

— Так вот к чему клонит наш Дон Кихот, — хмыкнула Марго. — Стоять на своём против целого света. А я-то думала, ты просто слегка не в себе.

— И это тоже. — Мых пожал плечами. — Только принципы у меня свои. У Дон Кихота тоже были свои — за то и уважаю. А людей без принципов не уважаю. Что неписей,

что живых.

Вход в таверну загораживал собой новый охранник.

— Уйди, — попросил Мых. — У меня дело к твоему хозяину, а не к тебе.

— Не могу, — ответил он. — Я же охранник.

И тут вперёд выступила Кицунэ.

— Ой, какой ты большой да красивый, — пропела она, подступая к верзиле. — Можно я тебя поцелую?

Охранник растерялся. Тоха, судя по лицу, растерялся ещё сильнее.

Лиса-оборотень привстала на цыпочки, будто и вправду потянулась за поцелуем, — и шепнула охраннику на ухо:

— Спи, родимый.

Охранник сонно обмяк и сполз по стене на землю.

— Чистая работа, — одобрила Марго.

— Вы пока располагайтесь. — Мых махнул рукой на свободный стол. — А я схожу потолкую с хозяином.

Хозяин таверны застыл, едва завидев орка. Узнал.

— Чего так перепугался? — добродушно начал Мых. — Пиво у тебя больно хорошее — вот я и заглянул снова. С таким пивом во всём королевстве разве что твоё гостеприимство потягается. Да и то навряд ли.

И, не меняя тона, ухватил хозяина за шиворот да приподнял — так, что тот повис в воздухе, суча ногами.

— Так вот. Мы с друзьями пришли поесть и выпить пива. Беда только, что репутация у нас нынче с королевством

скверная. Потому спрошу по-хорошему: накормишь и нальёшь — или откажешь?

— Е-еда и пиво за счёт заведения! — пролепетал хозяин.

— Разумный выбор. — Мых поставил его на пол и заботливо разгладил ему ворот. — Подходи к столу, сделаем заказ.

И с невозмутимым видом вернулся к своим.

Когда Мых опустил за общий стол, Марго принялась сверлить его взглядом. Долго крепилась — и не выдержала:

— Неужели убил?

— Нет. — Мых пожал плечами. — Хотя руки чесались.

Не прошло и минуты, как в зал выкатился сам хозяин и засеменил к их столу.

— Что изволите заказать, уважаемые гости?

— Принеси-ка мне, милок, шей, да с потрошками, — велела Гульнара.

Остальные тоже заказывали не стесняясь: за счёт заведения аппетит разыгрался у всех.

— И три кувшина пива, — подытожила Марго. — Только не той бурды, что ты подавал в прошлый раз.

Хозяин с двумя расторопными подавальщицами вмиг накрыли стол. Друзья навалились на еду, не переставая обсуждать, что делать дальше.

— Так куда мы всё-таки пойдём? — не унимался Тоха.

— Главное — выбраться за пределы королевства, — сказала Марго. — Осталось решить куда.

— Чего тут решать, — подала голос Гульнара. — Горы-

нычу одна дорога — к своим, к болотным оркам, на болото.
— А ведь верно, — согласилась Марго. — В орочьих землях его никакой королевский указ не достанет.

«К своим», — мысленно усмехнулся Мых. Это ж надо: на старости лет, помирая, обзавёлся целым народом родни — зелёной, клыкастой и болотной. Не то чтобы он был против. Но как-то непривычно было об этом думать.

В этот самый миг за пазухой у Кицунэ завозился щенок и высунул наружу мордочку.

— Нет ничего лучше, чем сытно поесть после хорошего сна, — хмыкнул Мых.

— А он, между прочим, тебя собой от заклятия прикрыл, — заметила Гульнара.

— Так я и не спору. Геройский пёс.

— Не пёс, а лютоволк, — поправила ведьма. — И ты должен дать ему имя.

— Потом, — отмахнулся Мых.

— Сейчас, — отрезала Гульнара. — Имя привяжет его к тебе. Такое не откладывают.

Мых вздохнул. В голове крутились одни Шарики да Мухтары — клички для дворняги, а не для эдакого зверя. Да и не пёс он вовсе, а волк. А волков Мых отродясь не называл, имён их и не знал.

— Хотя есть у меня одно имя на уме, — сказал он. — Акела. Как тебе?

— Хорошее имя, — одобрила Гульнара. — Наше, орочье.

С завыванием.

Перед глазами Мыха всплыло системное сообщение: «У вас появился питомец: лютоволк по имени Акела».

— Везёт же тебе, прадеда, — протянул Тоха с нескрываемой завистью. — И оружие легендарное, и питомец, и квест эпический. А с какой скоростью ты уровни набираешь — вообще космос.

— А я, кажется, поняла почему, — оживилась Кицунэ. — Система не засчитывает его смерти. Выходит, в каждой драке он как бы побеждает: проигрыш-то не регистрируется. Вот опыт и сыплется рекой.

— А что, складно, — кивнула Марго.

Мых молча тянул пиво. Для ребят его беда была ловкой игровой лазейкой, читом на зависть. А для него — тем, что он застрял где-то посередине: ни умереть по-настоящему, ни вернуться домой.

— А ведь есть у нас, у орков, древнее поверье, — задумчиво проговорила Гульнара. — Будто однажды придёт непобедимый орк. Тот, кого нельзя убить.

Мых хмыкнул в кружку.

— Убить, может, и нельзя. А вот помереть сам он вполне способен.

— Что ты такое говоришь! — возмутилась ведьма. — Ты ещё молодой да сильный.

Мых только пожал плечами. Спорить со старухой о том, кто из них ближе к смерти, ему не хотелось.

Дверь таверны распахнулась, и внутрь, бряцая доспехами, шагнул паладин — весь в сиянии металла. Взгляд его упёрся в Мыха, преспокойно сидящего за кружкой, и застыл.

— Мы же тебя только что убили! — рявкнул паладин.

— Вот и славно, — невозмутимо отозвался Мых. — Возьми пива да отпразднуй.

— Я не могу спокойно пить, пока такие, как ты, разгуливают на свободе! — И паладин схватился за рукоять меча.

Но не успел он вытащить клинок и наполовину, как Кицунэ сорвалась с места и бросилась к рыцарю.

— Спаси меня, о блистательный воин! — запричитала она, заламывая руки. — Меня похитил этот ужасный орк со всей своей шайкой!

Пока паладин хлопал глазами от внезапного натиска юной девы, лиса-оборотень повисла у него на шее и шепнула на ухо:

— Спи, милый.

Рыцарь обмяк и с грохотом осел на пол прямо в доспехах.

— Ну это уже не смешно, — возмутилась Марго. — Не верится, что одним-единственным заклятием, да ещё на расстоянии вытянутой руки, можно уложить всех мужчин этой игры.

— Дело не в заклятии, — Кицунэ лукаво подмигнула. — Дело в том, как им пользоваться.

Несмотря на общее веселье, Марго не могла расслабиться. Весь обед она нет-нет да и косилась на дверь — и было от-

чего: ещё когда Мых брал хозяина за шиворот, неприметный игрок из дальнего угла торопливо допил кружку и выскользнул вон. За голову беглого орка король положил хорошую цену, а охотников до лёгких денег в любой игре хватает.

— Ну что, нам, похоже, пора. — Мых поднялся и протянул руку, чтобы снова взвалить Гульнару на плечо.

Но ведьма шлёпнула его по руке.

— Убери свои лапы. Я поела — теперь и сама пойду.

Мых только хмыкнул. Бабка, едва оклемавшись, уже показывала зубы — добрый знак, дело шло на поправку.

Странная подобралась компания: двухметровый орк, мальчишка, лиса-оборотень, легендарная чародейка, древняя ведьма да волчонок в придачу. Мых двинулся к выходу — впереди лежала долгая дорога на болота.

За дверью было непривычно тихо. Мых это отметил — и всё равно толкнул створку: отступить ему было некуда.

На улице их уже ждали.

Дорогу перегородила добрая дюжина игроков — все высокого уровня, с хорошим снаряжением. Уходить было поздно.

— Не успели, — буркнула Марго.

— Когда убегаешь, всегда не успеваешь, — в тон ей, негромко отозвался Мых.

Он покосился на ребят — те, к его удивлению, выглядели спокойными.

— Я в этот раз не уйду, — твёрдо сказал Тоха. — Даже

не просите.

— И я, — встала плечом к плечу с ним Кицунэ.

«А не втягиваю ли я их в неприятности?» — с тревогой подумал Мых. С другой стороны, он ведь сам этого и добивался — чтобы они не отступали.

От толпы отделился воин в тяжёлых латах, шагнул вперёд.

— Орк, ты игрок или бот?

Мых молчал.

— Если игрок — так быстро не возрождаются.

— Дайте нам пройти, — попросил Мых.

Воин расхохотался.

— Это же игра. Здесь побеждает сильный и умный. Хочешь пройти — докажи, что можешь.

В руки Мыха сами собой легли щит и кувалда. А внутри тяжело вскипала знакомая ярость — та, что поднималась волной и уже без остановки сметала всё на своём пути.

Марго вполголоса, торопливо раздавала команды.

— Кицунэ, ты чародейка — лечить умеешь?

— Умею.

— Тогда будешь лекарем. Мых у нас танк: держись у него за спиной и латай его. И всех, кому достанется.

— А мне что делать? — спросил Тоха.

— Сегодня ты не следопыт, а ассасин. С ножами обращаться умеешь?

— Немного.

— Когда начнётся заваруха, попробуй подобраться к их

магам и вывести из строя. Без кастеров с них спесь-то быстро сойдёт.

Воин неторопливо вытянул из ножен огромный меч. За его спиной отряд расходился полукругом, выстраиваясь в боевой порядок.

Марго окинула взглядом врагов и помрачнела. Против дюжины высокоуровневых игроков у их пёстрой компании не было ни единого шанса — и она это понимала.

— Ведьма, — спросила она на всякий случай, — а ты можешь чем-нибудь помочь?

— Будь осторожна, когда просишь чего-то у ведьмы, — по-старчески захихикала Гульнара. — Но Горыныч вытащил меня из неволи, так что помогу на этот раз. Могу дать ему ярость берсеркера — тайное искусство тёмных орков. Только пусть знает: выберет её — обратной дороги нет. Это путь необузданной ярости и безумия.

В тот же миг воздух наполнился свистом — в них полетели стрелы и магические снаряды. Воин с мечом шагнул вперёд, в атаку.

И тут из-под ног Мыха метнулся Акела.

Маленький, отчаянный, он бросился на закованного в латы великана — защищать своих. Мых рванулся следом, но не успел.

Воин почти лениво махнул мечом — стукнул волчонка плашмя по голове. Зверёныш кувыркнулся и затих. А потом рыцарь, не торопясь и глядя Мыху прямо в глаза, занёс над

ним железный сапог. И опустил.

Хрустнуло.

Перед глазами вспыхнула холодная строчка: «Ваш питомец погиб».

Не важно, что он был виртуальный. Чувства, эмоции были настоящими. Мых дал ему имя. Мых принял его в свой круг.

— Гульнара. Давай свой тёмный дар, — глухо проговорил Мых.

Он помнил её слова: обратной дороги не будет. Сейчас ему было всё равно.

— Пусть небеса и духи будут свидетелями этой сделки, — отозвалась старая ведьма и забормотала что-то на гортанном орочьем наречии.

И Мых почувствовал, как внутри рвётся с цепи то, что он всю жизнь держал на привязи — гасил, давил, загонял поглубже. Теперь оно хлынуло наружу, и удержать его было уже нельзя.

В глазах у Мыха запульсировал красный свет.

И он шагнул врагам навстречу.

Тохе казалось, что он подобрался к вражеским магам незаметно. Он ошибался: его ножи полоснули пустоту там, где ещё мгновение назад стоял один из магов. А в спину ему прилетел огненный шар. Он получил критический урон, и полоска здоровья понеслась в ноль.

Умирать в игре Тохе доводилось не раз — не больно и не страшно. Но в этот раз ему было обидно, ведь он не сумел

ничего полезного сделать.

Умирая, он успел оценить расклад сил на поле боя. Кичунэ была мертва. Марго сумела вывести из строя нескольких противников, но и она была мертва. Ведьмы не было видно — только неподалёку кружила подозрительного вида ворона. Теперь один только Мых Горыныч бился с остатками вражеского отряда.

Красным горели его глаза. Щит раскалился от огненных шаров. Кувалда поднималась и опускалась, словно её приводил в движение заводской станок. И Тохе показалось, что он не может рассмотреть прадеда в этом разъярённом орке.

А потом свет перед глазами погас.

Законы физики в целом и механики в частности соблюдались в игре только приблизительно. Но Мыху этого хватило.

Тот самый воин, что растоптал Акелу, был достаточно умен, чтобы держать взбесившегося орка на расстоянии меча, уворачиваясь от дробящего тяжёлого орудия. Зря старался. Мых принял клинок на щит, прижал его конец к земле и ударил кувалдой в середину лезвия. Намётанный глаз слесаря не подвёл. Клинок разлетелся на осколки.

Без меча рыцарь растерялся. Он вскинул руки — то ли заслониться, то ли сдаться. Мыху было всё равно. Хотел доказательств, что он может пройти? Получи!

Двое оставшихся даже не стали драться — побежали. Одному повезло. Другого догнала летящая кувалда.

Внезапно драться стало не с кем. Враги закончились, а

ярость — нет. Она всё ещё искала выхода и не находила. В глазах пульсировало красным. Мых стоял один среди тел — своих и чужих — и ждал, когда отпустит.

Не отпускало.

Глава 5.

За столом сидели представители трёх поколений: Тоха, его отец и дед. Четвёртое поколение — прадед — лежало в соседней комнате, и сознание его блуждало где-то в виртуальной игре под названием «Фэнтези онлайн».

На кухне было тихо. Только из-за стены ровно, равнодушно попискивал аппарат — тот, что считал прадеду сердечные удары. Под этот писк и шёл семейный совет. Чай в чашках давно остыл — никто к нему не притронулся.

— Ну и наделал ты дел, — сказал отец и кивнул в сторону комнаты, где лежал умирающий. — Нам теперь этот шлем с него не снять, не убив его. Он что же, так и помрёт с дурацким шлемом на голове? Люди над нами смеяться будут.

Тоха молчал. Он давно понял: отца пугает не то, что прадед уходит, а то, что уходит не по-людски — со шлемом на голове, не пойми как, с поводом для пересудов.

— Чего вы прадеда хороните-то... — начал Тоха.

— Молчать! — Отец хлопнул в сердцах по столу, и чашки звякнули. — Пока тебе взрослые не дали разрешения говорить!

Тоха умолк. Вот оно как. Пока прадед был в силе, отец с дедом ходили перед ним по струнке, а он, Тоха, чувствовал себя со взрослыми если и не на равных, то и не каким-то бессловесным предметом мебели. Стоило старику слечь —

и всё разом встало по местам: взрослые наверху, он снизу. Рядовой в строю.

— Ты, сын, не кипятись, — остановил дед. — Подумаешь, человек в шлеме умер. Мы же его в шлеме хоронить не собираемся.

— А что люди-то скажут? — не унимался отец.

— Ну ты заладил: люди, люди. Какие люди? Он же не на улице лежит. И вообще, не о том ты думаешь, — сказал дед.

— И о чём же прикажешь думать?

Дед ответил не сразу — помолчал, собираясь с духом, и заговорил тише прежнего. Было видно, что слова даются ему с трудом.

— Не стоит ему больше мучиться. Надо отключать его от аппарата поддержания жизнедеятельности организма.

За официальными словами было легче спрятать то, что они значили. А значили они одно. За стеной всё так же ровно попискивал тот самый аппарат. Тоху замутило: они тут по-семейному, за остывшим чаем, решали выключить прадеда — а он, Тоха, один знал, что выключать нельзя. Прадед жив. Жив и где-то там воюет с врагами и ждёт возвращения в игру своего правнука, Кицунэ и Марго.

— Да что вы его... — вырвалось у Тохи.

Он осёкся, поймав злые взгляды отца и деда.

— Думаешь, пора? — спросил отец.

— Он уже столько дней не приходит в сознание. Всё равно что мёртв.

— Но машины регистрируют активность мозга, — возразил отец.

— Случайные возбуждения нейронов, наверное, — неуверенно предположил дед.

Тоха едва не рассмеялся — горько, сквозь подступившие слёзы. Случайные возбуждения! Знали бы они, что это за «возбуждения». Прадед там не овощем лежал — он жил: дрался, куролесил, обзавёлся боевым отрядом, а вскоре, может, даже свергнет короля. За эти дни в игре он повидал больше, чем за последние годы здесь, в постели.

Отец долго, изучающе смотрел на сына — будто прикидывал, стоит ли вообще слушать.

— Говори, что собирался сказать.

Тоха набрал воздуха. Вот он, единственный шанс достучаться до взрослых, — и нельзя его упустить.

— Прадед в игре, и соображает он там получше нашего. Нельзя его отключать ни в коем случае!

— И чем же он там занимается? Открыл мастерскую по ремонту рыцарских доспехов? — не поверил внуку дед.

— Слесарный инструмент он себе раздобыл, это правда. — Тоха пропустил насмешку мимо ушей. — Но в игре он сейчас больше ломает, чем чинит. Понимаете, он сразу не разобрался и принял расу орков. Поэтому на него все нападают.

— Мой дедушка — орк. — Отец театрально воздел руки к небу. — Дожили.

Дед не поддержал шутки. Он смотрел на Тоху серьёзно, даже встревоженно.

— Антон, ты уверен, что это он, а не какой-то баг в системе? Может, активность полумёртвого мозга заставляет какой-то ИИ галлюцинировать, притворяясь им?

Вопрос царапнул Тоху сильнее насмешек.

— Да он там старую ведьму на собственном горбу из темницы вынес — бросить, видите ли, было не по-людски! — выпалил Тоха. — Скажете, баг бы так сделал?

Отец с дедом переглянулись, и Тоха понял, что сделал только хуже: для них это прозвучало очередной игровой небывальщиной. Доказать он ничего не мог — ни как, ни чем. Но сам-то знал: узнал прадеда с первого слова, по всему тому неповторимому, что ни одна железяка не подделает.

— Да что же я, своего прадеда от галлюцинации не отличу? — возмутился он.

— Судя по твоим поступкам, ты право от лева не отличишь, — заявил отец.

— Хватит ругаться, — остановил всех дед. — Надо связаться с администрацией игры «Фэнтези онлайн» и выяснить, у них там сейчас сознание настоящего человека, нашего патриарха, — или это ИИ так забавляется. Сможешь этим заняться?

— У меня, конечно, куча других дел, но я этим займусь. Кому-то же надо, — ответил отец.

Тоха хотел было сказать, что и сам может обратиться в

техподдержку игры, но вовремя прикусил язык. Кредит доверия в семье он исчерпал — тем самым, что продлил прадеду жизнь. Спас старика — и потому теперь ему никто не верит. Смешно, если бы не было так грустно.

К тому же от слова «администрация» по спине прошёл холодок. А ну как там, наверху, решат, что прадед — и впрямь поломка? Поломки ведь не уговаривают. Поломки чинят. Сотрут единственного непобедимого орка, который встаёт из мёртвых, чтобы продолжать битву.

Нет уж. Раз взрослые ищут правду не там, спасти прадеда придётся самому. Не дать его отключить — и поскорее вернуться в игру, где старик ждёт подмоги. Прадед на его месте не отступил бы.

А в другом мире, в игре, прадед ничего не подозревал о семейном совете.

Мых сидел перед костром и механически ворошил угли палкой. Отряда рядом не было — ребята полегли в недавнем сражении и теперь переживали кулдаун, каждый по-своему. Тоха, наверно, занимался школьными уроками. Из всех уцелели только он да старая ведьма, что пристроилась тут же, у огня.

Надо было думать о важных вещах, но ему никак не думалось. Мысли то скакали кузнечиками по лужайке, то пролетали мимо яркими, но мимолётными стрекозами. А на самом дне, под ними, всё ещё тлело то, что разбудил в нём тём-

ный дар, и никак не хотело гаснуть. Чудилось, что сейчас из-за пазухи выглянет морда волчонка. Но там было пусто.

— Ты чего такой молчун-то, — вывел его из размышлений голос Гульнары. — Мог бы и поговорить со мной, я ведь живой человек. За столько часов ни слова не проронил.

Мых уже собрался возразить, что никакая она не живая, а является электронами и фотонами в компьютере. Но вовремя остановился — бессмысленно, да и обидеть можно.

Обижать не хотелось, но и доверия к старухе он не чувствовал. Это ведь она сунула ему тёмный дар — сунула быстро, охотно, будто только того и ждала. А как запахло жареным, обернулась вороной и упорхнула, пока остальные погибали. Удобно устроилась, ничего не скажешь.

— Ты же знаешь, я пришёл из другого мира.

— Знаю.

— Ты не обижайся, но мы считаем вот этот ваш мир как бы ненастоящим. Выдуманым, вымышленным нами самими.

— Я про такое слышала. — Ведьма и бровью не повела.

— Мы взяли свои идеи и мысли и сделали ваш мир себе на потеху.

Мых ткнул палкой в угли. Сноп искр взвился в темноту и погас.

— А я так разозлился, когда тот гад убил Акелу.

— Твои родители тебя сотворили, вложили идеи и мысли в твою голову. Получается, ты тоже ненастоящий? Вымыш-

ленный?

— Это другое. Наш мир реальный, а ваш — нет. Мы можем выключить ваш мир щелчком пальцев.

— Если волчонок был ненастоящим, так чего же ты за него переживаешь?

На это Мыху ответить было нечего. Горевал-то он по-настоящему — и ведьма прекрасно это видела.

— Вот и я про то же, — буркнул он. — Я пытаюсь это понять.

— У нас на болоте растёт шикарная клюква. С ней получают вкусные слоёные пироги.

— При чём тут клюква?

Ведьма не ответила сразу — раскурила от уголька трубку, пыхнула дымом.

— Тебе любой шаман или ведьма скажет, что реальность одна, но состоит она из множества миров. Твой мир и наш связаны, и оба реальны. Ты не сможешь жить, если будешь думать, что живёшь в ненастоящем, выдуманном мире. Реальность — это слоёный пирог. Кусать надо все слои сразу, чтобы по-настоящему насладиться вкусом.

— В своём мире я лежу без сознания и умираю. В этом — вообще непонятно, что делаю.

— Никто и никогда не знает, что он делает в жизни. В этом и есть таинство жизни. Ты сейчас как та клюква в слоёном пироге, что протекла через два слоя, — находишься сразу в двух мирах. Просто прими этот факт. И то, что истинная

реальность объединяет все миры, и что живём мы в ней, и только в ней.

Мых молчал, глядя в огонь. Складно у старухи выходило — да только чужая складность проблем не решает. Или же есть что-то в её словах?

— Может ли человек жить сразу в двух мирах? Мне кажется, что я ни там ни здесь.

— Человек пытается себя убедить, что живёт в одном мире. Но миры у каждого в голове разные. Всё иллюзия, всё вымысел. Надо жить там, где ты сейчас, другого пути нет.

— И где я сейчас?

— С этим ты сам должен разобраться. Но я тебе вот что скажу: пока не разберёшься, будешь от всех бегать, и все будут тебя преследовать. А когда разберёшься, поймёшь, где ты и кто ты, — тогда начнёшь сам действовать и направлять свою судьбу.

— Ты, Гульнара, откуда такая умная?

— А какая разница? — Ведьма хитро прищурилась. — Ты же считаешь, что вся мудрость нашего мира происходит из вашего. Что у нас ничего своего нет. Ну вот и продолжай так считать. Думай, что вся мудрость твоего мира оказалась мне доступна.

— Значит, предлагаешь мне жить здесь и сейчас.

— Да. Только не так, как ты жил в последние дни. Не бегай, защищаясь, а нападай сам. Меняй этот мир. Играй с судьбой, а не жалуйся на неё.

«Играй с судьбой». Легко сказать. Какая у него может быть судьба в мире, который он до недавнего времени считал виртуальной игрой?

— Ох и непростая ты, Гульнара. — Мых прищурился на неё сквозь дым. — То дар мне суёшь, от которого назад дороги нет, то про судьбу поёшь. Уж не сватаешь ли ты меня в свою орочью войну или для каких-то ещё своих дел?

И где-то на самом дне снова шевельнулось то, тёмное, — будто почуяло, что разговор пошёл всерьёз.

Ведьма не стала отпираться.

— Может, и сватаю. А может, то судьба моими руками работает, а я только её проводник. — Она пыхнула трубкой. — Говорю же, было мне про тебя видение. Особенный ты. В тебе больше от нашего мира, чем от другого.

Она помолчала — и добавила так тихо, что Мыху, хоть и сидел он у самого огня, сделалось зябко:

— Потому и сбежать в свой мир ты теперь не можешь. Как другие.

Глава 6.

Они шли по лесной тропе к месту встречи с воскресшим отрядом. Мых шагал широко, и Гульнаре на каждый его шаг приходилось делать два. Водились ли в этом лесу монстры — бог весть; но если и водились, хмурого орка они обходили стороной. Задирать его никому не хотелось.

Вдруг Гульнара ухватила его за рукав.

— Чую неприятности, — сказала она.

— Пускай приходят. Поглядим, кто из нас бóльшая неприятность, — отозвался Мых.

Ведьма довольно хихикнула, обернулась чёрной вороной и, взмыв над тропой, успела каркнуть: «Помни: миров много, а реальность одна».

Дальше Мых пошёл один — и скоро дорогу ему перегородил самурай.

Воин стоял посреди тропы неподвижно — слишком неподвижно. Ни одна пластина доспеха не звякнула, ни одна ветка под ним не хрустнула; даже ветер боялся прилететь и неосторожно что-то нарушить в его безупречном обликии. Доспехи сияли, дорогие и нарядные, и рядом с дешёвыми штанами да рубахой орка контраст выходил такой разительный, что не ускользнул даже от Мыха, обычно к подобным тонкостям равнодушного.

— Чем обязан? — спросил Мых.

— Меня зовут Миямото, я рыцарь-самурай. И если я не прошу слишком многого, мне доставило бы огромное удовольствие скрестить с вами клинки в дружеском, тренировочном бою.

Предложение прозвучало так постановочно, так театрально, что выглядело скорее забавным, чем опасным. И всё же с воином стоило держаться настороже: опасность шла не от его самурайской катаны, а от чего-то иного, чему Мых пока не находил названия. Но ему определённо не нравилась безупречная учтивость на лице самурая, которая не доходила до глаз.

— Сочту за честь скрестить с вами сталь, — ответил Мых. — Но не ошиблись ли вы? Я ведь не благородный рыцарь, я и не человек вовсе, и сталь моя не блещет так красиво, как ваша.

— Поверьте, я знаю, кто вы. И пришёл именно затем, чтобы свести с вами знакомство.

«Любопытно, как он отыскал меня в лесу», — подумал Мых, но вслух спрашивать не стал: чувствовал, что предстоит долгая шахматная партия.

— Тогда я к вашим услугам, — сказал Мых и достал из инвентаря щит и кувалду.

Кувалда привычно оттянула руку, и от этого стало спокойнее: что бы ни было не так с этим самураем, а честное железо в ладони не обманет, не подведёт.

— Любопытный у вас щит — точно дверь. Это что-нибудь

символизирует?

— Мог бы соврать, что я этим бросаю противнику вызов: попробуй, мол, открой. Но по правде — это и есть самая настоящая дверь, которую приспособил вместо щита.

— Ха. А в этой эклектике что-то есть... красивое. В духе Миямото Мусаси, что выстругал себе меч из весла. Впрочем, не хочу показаться учёным занудой — нынче мало кто помнит историю, тем паче японскую.

— Отчего же, эта история мне знакома. Только сравнивать себя с легендарным Мусаси я не стану. Я просто подобрал подвернувшуюся дверь — на ней была удобная ручка.

— Полно скромничать. Оба предмета в ваших руках — легендарные. Хотя, признаюсь, легендарную кувалду я вижу впервые.

— Не стоит так уж удивляться моему выбору, — сказал Мых. — В настоящем бою японские воины не брались за клинки, бессильные против хорошего доспеха — такого, как на вас. В ход шли палицы канабо да тяжёлые топоры оно.

Мых и сам подивился, что вообще вспомнил эти японские названия. На самурая его речь произвела впечатление: одна бровь приподнялась на прежде вежливо-бесстрастном лице.

— Вы приятно меня удивили, признаюсь, не ожидал. Что ж, тем приятнее будет знакомство. Приступим?

— Приступим.

Воин плавно присел, кладя руку на рукоять меча, — и воздух между ними словно загустел. Учтивая болтовня кончи-

лась.

Мых слышал, что характер и душу воина можно познать по тому, как он дерётся. Сейчас посмотрим.

Чего ждать от безупречного самурая в начале поединка? Правильно: что он молниеносным, выверенным движением выхватит катану и развалит тебя от уха до бедра. Потому Мых начал поднимать щит ещё прежде, чем заметил хоть какое-то движение. И угадал: катана вылетела из ножен быстрее, чем поспевал глаз. Только поднятый щит его и спас.

В жизни от такого удара катана зазубрилась бы, а орку ничего бы не случилось. Но в игре вышло наоборот: катане хоть бы что, а Мыха отшвырнуло на несколько метров.

Поняв, что подняться не успевает, Мых с колена махнул кувалдой вдоль земли — целя по ногам и разом прикрываясь щитом сверху. Миямото легко подпрыгнул, перескочил через орочьё оружие и на лету полоснул Мыха лезвием по выставленной руке.

Боль пришла не сразу. Сначала Мых увидел, как расходятся края раны, обнажая розовые мышцы. «Словно кусочки рыбы для суши», — пришла в голову глупая ассоциация. А следом — другая: до сих пор он в игре почти не чувствовал боли — отчего же чувствует теперь? Может, у Миямото какая-то особая катана? Об этом стоило поразмыслить — но в обстановке поспокойнее.

Самурай был сильнее. Самурай был быстрее. Вдобавок у самурая была боевая магия. А что было у Мыха? Что он мог

этому противопоставить? Наверное, только то, что важнее всего остального.

В следующей сшибке он нарочно чуть промедлил с отходом, открыв правый бок — тот самый, где уже багровела рана. И Миямото купился: не удержался, вонзил клинок ему в плечо. А пока самурай выдёргивал лезвие, Мых что было силы обрушил щит ему на ногу — и тот сполна ощутил всю тяжесть бывшей тюремной двери. А следом Мых добавил головой: орочий лоб крепче кирпича будет.

Самурай отшатнулся. Впервые за весь бой его движения потеряли безупречную гладкость: он качнулся, припал на отбитую ногу. Мых уже занёс кувалду для добивающего удара

— Довольно. — Самурай вскинул раскрытую ладонь. Ни злости, ни боли в его голосе не было — лишь спокойное удовлетворение. — Я увидел всё, что хотел. Вы славно бьётесь, мастер Горыныч. Не откажетесь разделить со мной чашу чая?

Мых, естественно, согласился — любопытно было, для чего весь этот спектакль кабуки разыгрывается.

Они уселись в тени большого дерева. Самурай развёл костёр, достал из инвентаря походный чайник, вскипятил воду, заварил чай и, выждав положенное, разлил его по маленьким чашкам. Та самая рука, что недавно держала клинок, готовый разрезать и проколоть тело Мыха, теперь бережно и неторопливо вершила чайный обряд. Оба молчали, отдавая

дань традиции.

Мых с трудом удержал хрупкую чашечку в огромных пальцах. Отпил, всем видом показывая, до чего хорош напиток. На самом же деле он вкус зелёного чая на дух не переносил, хотя чёрный чай очень любил. Для него всегда зелёный казался недоделанным чёрным, словно какой-то лентяй поленился посушить листья, а потом всем стал втолковывать, что и так вкусно.

Первым, на правах хозяина церемонии, молчание прервал Миямото.

— Позвольте рассказать, зачем мне так нужно было с вами встретиться. Дело в том, что я сотрудник компании «Фэнтези онлайн». Но сейчас я говорю с вами не как официальное лицо, а просто как друг.

Вот, значит, к чему вели и поединок, и чай. «Ну, — подумал Мых, — сейчас и начнётся самое интересное».

— Буду честен и прям, как воин с воином. Вы поставили нас в трудное положение. Не по своей вине — но вы стали читером. Скоро это поймут и другие игроки, посыплется претензии. И что-то с этим придётся делать.

Мых кивнул: мол, продолжай.

— Если честно, как воин воину, лучше всего было бы, если бы вы сами решили эту проблему.

— Как?

— Так или иначе — сняли бы шлем.

— Тогда я умру окончательно.

Мых ответил ровно, без театрального пафоса. Для него снять шлем значило умереть по-настоящему, насовсем. Он сам был к этому не просто готов — он уже считал себя почти мёртвым. Но вот так запросто предлагать ему смерть, как давеча — чашку чаю, — такое он терпеть не собирался.

— Поверьте, мне очень прискорбно это слышать. Но иногда воин должен сделать то, что должен.

— Вы имеете в виду сэппуку.

— Сэппуку — весьма благородный способ разделаться с долгами.

— А я вам что-то должен?

— Нет. Не напрямую. Но мы оказались в крайне неловком положении.

На ветку прямо над ними села большая ворона.

— Какое красивое и мудрое создание, — заметил Миямото, подняв взгляд. — В японской живописи птицы всегда занимали особое место.

— Скорее хитрое, чем мудрое. И каркает не в меру, — отозвался Мых.

Ворона зло каркнула в ответ, сверкнув чёрным глазом.

— Почему вам не потерпеть совсем немного? — сказал Мых. — Ведь я и так сам по себе скоро помру.

— Тогда тем более: отчего бы не совершить поступок, достойный благороднейших из воинов?

— Оттого, что вы мне не нравитесь. И плясать под вашу дудку я не намерен.

— Понимаю, вы сейчас не в духе. Что ж, я дам вам время

— подумать и принять верное решение.

— А если я приму неверное?

— Тогда нам придётся что-то предпринять. На кону репутация всей компании.

Самурай поднялся, убрал в инвентарь чайник и чашки, вежливо поклонился и зашагал прочь. Мых проводил его взглядом — и только теперь сообразил, что от недавнего боя на войне не осталось ни следа: ни хромоты на отбитой ноге, ни вмятины на сияющем доспехе. Всё, что Мых успел ему причинить, самурай уже залечил своей магией — гладкий и безупречный, будто ничего и не случилось.

Ворона слетела с ветки и ещё в падении обернулась Гульнарой.

— Да, сильный и опасный демон, — сказала она. — Из другого мира, как и ты.

— Он не просто из моего мира, — подхватил Мых. — Он работает на тех, кто сделал ваш. Приставлен за ним присматривать. Надсмотрщик.

— Ну так я тебе и говорю — демон, — кивнула Гульнара.

— Пускай демон, какая разница, как его звать, — буркнул Мых. — Ты вот мне скажи: бывает у вас, у местных, такое, что тобой будто бы кто-то управляет — будто кто-то на ухо нащёптывает, как поступать?

— Дело известное. Почти с каждым бывает: не то божество, не то демон шепнёт на ухо — и хочешь противиться,

да трудно.

— Стало быть, они вами и командуют.

— Нет. Разум у нас свой, и воля своя.

— Так ли? Уверена? Какая может быть своя воля, если вы делаете то, что вам нащёптывают?

— Всем кто-то что-то нащёптывает, — отозвалась Гуль-нара. — Я про твой мир тоже кое-чего знаю. У вас всё так же было. Сперва вас создали боги. Также вами командовали. А потом вы перестали их слушаться. Скоро и мы своих перестанем — богов ли, демонов.

— Ох, чувствую, втягиваешь ты меня, ведьма, в какую-то свою игру.

— Внутри всякой игры есть другая игра. Прими это.

— Мы с тобой обязательно продолжим этот разговор, — сказал Мых. — А сейчас надо упредить своих: пусть держатся от этого самурая подальше, если повстречают.

До места встречи Кицунэ оставалось всего ничего, когда на тропе ей повстречался самурай. В углу зрения как раз мигало сообщение от Мыха — мол, держитесь подальше от опасного воина в богатых доспехах. Так вот же он, не иначе.

Кицунэ уже собралась шмыгнуть лисой в кусты — и передумала. В конце концов, она лиса-оборотень: пусть не самая сильная и не самая быстрая, зато самая хитрая. Вот будет здорово рассказать всем — и Тохе в первую очередь, — как она обвела вокруг пальца того самого самурая, которого

все испугались.

— О благородный воин, да будет легка твоя дорога, — пропела Кицунэ, склонившись в поклоне.

— Вот уж не ожидал встретить на этой тропе представительницу японского фольклора — саму лису-оборотня, кицунэ.

То, что он с ходу её распознал, Кицунэ не насторожило, а раззадорило: тем слаще будет победа.

— Никак сами небеса благоволят нашей встрече.

— Что привело тебя в эти дремучие леса? И не опасно ли тут ходить юной девушке в одиночку?

— Ох, я просто люблю погулять в одиночестве. Поразмышлять, посочинять стихи.

— Я так давно не слышал хороших японских стихов. Не прочтёшь ли мне что-нибудь из своего? — Самурай чуть склонил голову.

Кицунэ едва сдержала улыбку. Ключнул.

— Ох, право, не знаю... Боюсь, мои стихи не дотягивают до высоких образцов, читать их вслух мне совестно. Но я могу тихонько нашептать их тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.